О.В. КОТЛЯРОВА
(Владимир)

**НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ**

Предполагается, что язык государственной службы является образцом, стандартом речевого поведения для граждан Российской Федерации и отражает уровень языковой культуры современного общества, в связи с чем появляется необходимость изучения тенденций его динамики. В результате проведенного исследования выявлено три взаимосвязанных основополагающих лингвистических процесса, отражающих современное состояние административно-политического дискурса и определяющих новые речевые характеристики представителей государственной службы.

Ключевые слова: язык государственной службы, лексические особенности, административно-политический дискурс, официально-деловой стиль языка, неологизмы.

Но какая гадость чиновничий язык! Исходя из того положения... с одной стороны... с другой же стороны – и все это без всякой надобности. «Тем не менее» и «по мере того» чиновники сочинили.

Я читаю и отплеываюсь.
А.П. Чехов

В представленной статье мы делаем попытку определить некоторые тенденции динамики русского языка, анализируя функционирование языковых единиц на лексическом уровне в речи госслужащих. Можно с уверенностью говорить о том, что обеспечение полномочий исполнения государственной власти на федеральном и региональном уровнях является профессиональной обязанностью многочисленных представителей системы государственного и муниципального управления. Исследование языковых особенностей речи государственного или муниципального служащего в перспективе подразумевает определение коммуникативной динамики современного общества, т. к. основывается на взаимоотношениях государственной власти и народа и раскрывает взаимовлияние языкового и социального реформирования. Во время проведения Гайдаровского форума – 2018 на материале публичных докладов участников меропр-

ятия в ходе дискуссий, панельных заседаний и круглых столов мы собрали, проанализировали и классифицировали языковой материал, отражающий современное состояние русского языка в системе государственного управления.

По мнению некоторых исследователей, административно-политический социолект как кластер профессионального лексикона государственных служащих формируется посредством взаимодействия единиц разных уровней общенациональной языковой системы и функциональных разновидностей речи, например специфической терминологии, элементов научного, официально-делового и разговорного стилей (см., например, исследование М.Н. Пановой [8]).

Лексической особенностью речи современных государственных служащих является дуализм административно-политического дискурса. С одной стороны, этот дуализм заключается в закрытости речевой культуры, специфичности профессионального языка, наличии определенных речевых штампов, характерных только для представителей этой профессии. С другой стороны, система государственного управления открыта и функционирует для обеспечения взаимодействия власти и народа, в связи с чем доступна для всех граждан Российской Федерации, а также является речевым образцом, формирующим языковой вкус и культуру современного общества.

Большинство лингвистов сходятся во мнении о том, что в советский и постсоветский периоды истории России (особенно в 90-е гг. XX в.) происходит жаргонизация административно-политической речи (см. исследования В.Н. Базылева [1], И.Т. Вепревой [3], Ю.Л. Воротникова [4]).

Жаргонизацию или вульгаризацию языка государственного управления связывают прежде всего с социально-экономическими процессами, подразумевающими экономический и культурный кризисы, криминализацию правовой системы, смену идеологий и мировоззренческих общественных парадигм, переоценку гуманистических ценностей российского общества и мн. др. В качестве альтернативы процесса вульгаризации в начале XXI в. появляется другой языковой процесс – «инноватизации и модернизации» речи государственных служащих, заключающийся в «осовременивании» архаичного административно-политического дискурса и направленный на то, чтобы сделать речь чиновников, политиков, представителей

государственной власти инновационной, отражающей последние общемировые экономические тренды.

К основным тенденциям, которые демонстрируют динамику административно-политического дискурса XXI в., можно отнести: 1) смешение официально-делового стиля языка с разговорным, отличительной особенностью которого является употребление нейтральной лексики в переносном значении, просторечных, грубо просторечных и жаргонных слов и выражений; 2) активное заимствование лексических единиц из английского языка и их быстрое внедрение в систему современного русского литературного языка, а также искусственная скоростная языковая адаптация, заключающаяся в образовании однокоренных слов и расширении границ сочетаемости заимствованной лексики с другими словами русского языка и т. д.; 3) появление большого количества неологизмов, которые могут образовываться от заимствованных или русских слов, приобретая при этом новые содержательные характеристики.

1. Смешение официально-делового стиля языка с разговорным можно назвать самым активным процессом, отражающим динамику устной речи представителей государственного управления. Устная форма речи, в отличие от письменной, является наиболее лабильной, что позволяет административным деятелям, чиновникам, политикам использовать соответствующие лексические единицы в качестве активных единиц словарного запаса. Этот процесс по критерию нейтральности слов или их стилистической окрашенности условно делится на три уровня:

– смешения официально-делового стиля с нейтральной лексикой, употребленной в переносном значении;

– смешения официально-деловой лексики с разговорной лексикой;

– смешения официально-делового стиля языка с грубо-просторечной, жаргонной лексикой.

1.1. Процесс смешения официально делового стиля с нейтральной лексикой, употребленной в переносном значении, сопровождается нарушением норм современного русского литературного языка и, как следствие, снижением речевой грамотности и качества административного стиля, ср., например: *У нас туда (в неформальный сектор) вымываетя огромный процент бюджета; Мы должны ситуацию оборачивать; Если мы найдем конкрет-*

ные формулировки, «развязки», то все получится; Это все настоящий момент по текущей «настройке» проектного метода; Руководству удалось все эти развязки пройти; Замораживание среднего класса происходит регулярно; Есть положительная, но есть и отрицательная история; Пока не отвалился один из наших спикеров; От инженерной школы отламывался политехнический университет; В одном компюте их поварит; Роботизация и автоматизация могут не только подстегнуть безработицу, но и дать возможность ее устранить.

1.2. При смешении официально-деловой лексики с лексикой разговорной еще больше усугубляется снижение официальности речи государственных служащих. Употребление в административной речи таких выражений предполагает усиление доступности, простоты высказывания. Однако злоупотребление просторечными словами и выражениями снижает качественные характеристики административно-политического дискурса, а это негативно влияет на имиджевую составляющую представителей государственного управления. Ср., например: *Пирамида федерального бюджета сразу кувырк и переворачивается* («кувырк – межд., в функц. сказ. разг. Обозначает быстрое действие, по зн. кувыркать – кувыркнуть и кувыркаться – кувыркнуться» [2]); *Как избежать оголтелого протекционизма* («оголтелый – разг. 1. Потерявший всякое чувство меры, крайне разнузданный. 2. Ничем не сдерживаемый, безудержный, крайний по степени проявления» [Там же]); *Упираюсь в конкретные ошибки, в конкретное головопьянство* («упираться – разг. натолкнуться на какие-л. препятствия в достижении чего-л.; оказаться в зависимости от кого-, чего-л.»; «головопьянство – неодобр. крайняя небрежность и бестолковость в ведении какого-л. дела; поведение головопьяна» [Там же]; *Мы угробили эту идею, потому что мы раскололи общество в отношении этого вопроса* («угробить – разг. уничтожить, погубить; испортить» [Там же]).

1.3. Можно предположить, что смешение официально-делового стиля языка с грубо-просторечной, сниженной лексикой является архаичным остаточным явлением криминализации политического жаргона в перестроечный и постперестроечный периоды. Необходимо заметить, что подобного рода негативные тенденции теряют свою регулярность. Ср., например: *Сразу затыкают рот* («за-

ткнуть рот, глотку, горло кому-л. – разг.-сниж.; заставить замолчать кого-л.» [2]); *Трехуровневая система управления себя не оправдала, более того сегодня она пожирает эффективность управления* («пожирать, жрать – разг.-сниж. Есть жадно и много, грубо; = кушать, есть» [Там же]).

2. Активным процессом, реформирующим лексическую систему русского языка, является *заимствование слов и выражений из английского языка*, а также их *быстрое внедрение* в систему современного русского языка (см., например, работы А.А. Гальцевой [5], Е.В. Клементьевой [6], В.С. Маслякова [7], К.В. Халевиной [10]). Процесс внедрения недавно заимствованной лексической единицы в активный словарный состав носителя языка и ее регулярное использование можно назвать «искусственной скоростной языковой адаптацией». Следствиями искусственной скоростной языковой адаптации являются образование однокоренных слов, расширение границ сочетаемости заимствованной лексики с другими словами русского языка и т. д. Речь государственных служащих изобилует заимствованными лексемами, смысловое значение которых отображает современные тенденции мировой экономики. Можно отметить, что злоупотребление заимствованными словами затрудняет восприятие речи представителей системы государственного и муниципального управления, периодически происходит недопонимание между самими представителями сферы государственного управления: *Какие драйверы* (от англ. *driver* – «двигатель») *роста я вижу в социальной сфере; Российское образование является драйвером российского бизнеса; Будущее, которое до нас доходит с таким десятилетним лагом* (от англ. *lag* – «отставание, задержка»); *Модель инкубаторов стартапов* (от англ. *start up* – «пуск, стартующий, запускать»); *Вы должны жестко следить за таймингом* (от англ. *timing* – «отчет времени, регламент»); *Только импута предпринимательства так никто и не сделал* (от англ. *input* – «вход, ввод, вклад, ресурсы»); *Сет стратегических сессий* (от англ. *set* – «набор, комплект»); *С точки зрения разных стейкхолдеров рынка* (от англ. *stakeholder* – «заинтересованная сторона»); *Методология аджайл* (от англ. *agile* – «проворный») *в управлении уже не новинка*.

3. С вышеназванным процессом заимствования тесно связан другой активный процесс – *появления новых словарных единиц, неологиз-*

мов. Можно выделить два основных источника появления лексических единиц, формирующих административно-политический дискурс на современном этапе развития русского языка. Во-первых, это лексемы, *заимствованные из английского языка*, внедряемые в активный словарный запас носителей русского языка посредством присоединения к корням заимствованных лексем русские словообразовательные морфемы. Во-вторых, это *лексические единицы, образованные из русских слов* и изменивших первоначальное лексическое значение.

3.1. *Неологизмы на основе заимствований: Необходимо внедрение инпута в области менеджмента, которое бы драйвило студентов* (от функционирующего в русском языке существительного *драйв*, от англ. *drive* – «водить, управлять, гнать» – образован глагол *драйвить*, имеющий значение «вдохновлять, воодушевлять, заставлять действовать»); *Брендить тему, делать из этой темы мегатренд* (от заимствованного *бренд* образован новый глагол *брендить* – «делать популярным, продвигать, популяризировать»); *Являются одними из ключевых фундаторов высшей школы экономики* (от лат. *fundator* – «учредитель, основатель» [9], в XXI в. приобрело расширенное значение «не просто из основателей чего-либо, но фигур, имеющих значимость в каком-либо вопросе»); *Любая изолированная система так или иначе коллабирует* (от *коллапс*, лат. *collapsus* – «книжн. резкое ухудшение экономических, политических условий жизни общества, грозящее крахом государства; тяжелый кризис» [2], глагол имеет значение «разрушаться, уничтожаться»); *Человек будет чипирован* (от англ. *chip* – «полупроводниковый кристалл с интегральной схемой в микропроцессоре» [Там же]; глагол обозначает, что в человека «будет встроены чип»); *Сомодератор* (от лат. *moderator* – «умеряющий, посредник, арбитр» [Там же], при помощи приставки *со-* образовалось новое слово, обозначающее «соведущий»).

3.2. *Неологизмы на основе русских слов (или слов, заимствованных давно и вошедших в состав современного русского литературного языка): Потому что обучатели и внедратели, которые там работали, не смогли его зажечь этой темой или зажгли как то неправильно* (от *обучать, внедрять*); *Мы не умеем стратегировать* (от греч. *stratēgia* – «высшая область военного искусства, ведение крупных военных операций и войны в це-

лом» [2]); *Где-то чуть-чуть сбойнуло, но этот сбой не имеет значение для системы (от сбоя); Мы должны оптимизировать процесс (от оптимизировать).*

Можно сделать вывод о том, что на лексическом уровне административно-политический дискурс и официально-деловой стиль языка в целом подвергается активным изменениям. Несмотря на четко прослеживаемую тенденцию к игнорированию норм современного русского литературного языка, сложно делать вывод об исключительно негативных тенденциях, происходящих в русском языке. Лексическая парадигма административно-политического социолекта отражает, на наш взгляд, тенденцию к стремлению соответствовать общемировым стандартам в политике и экономике.

Представители государственной службы демонстрируют желание расширять и обновлять свой словарный запас, стараются наиболее точно формулировать мысли посредством включения в речь неологизмов и заимствованных слов. А заинтересованность в совершенствовании собственной коммуникативной компетентности можно назвать положительной тенденцией.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что язык государственных служащих претерпевает определенные изменения, и последующее изучение русского языка в системе государственного управления по-прежнему перспективно.

Список литературы

1. Базылев В.Н. Политик в интеллектуальном контексте эпохи // Политический дискурс в России – 6: материалы постоянно действующего семинара (г. Москва, 7 нояб. 2002 г.) / под ред. В.Н. Базылева, В.Г. Красильниковой. М.: Макс Пресс, 2002.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
3. Вепрева И.Т. «Мы их в сортире замочим», или Штрихи к риторическому портрету В.В. Путина // Политический дискурс в России – 4: материалы рабочего совещания (г. Москва, 22 апр. 2000 г.) / под ред. В.Н. Базылева, Ю.А. Сорокина. М.: Диалог-МГУ, 2000. С. 43–45.
4. Воротников Ю.Л. И еще раз о властях претерпевающих // Русская речь. 2004. № 2. С. 37–46.
5. Гальцева А.А. Неологизмы XXI века // Концепт. 2014. № 13. С. 1–8.
6. Клементьева Е.В. Адаптация иноязычных заимствований в русском языке // Историческая и

социально-образовательная мысль. 2014. № 5(27). С. 260–263.

7. Масляков В.С. «Спанглиш» как явление языковой межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2011. № 1(13). С. 51–60.

8. Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. М., 2004.

9. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / под ред. А.Н. Чудинова. СПб.: Издание книгопродавца В.И. Губинского, Типография С.Н. Худекова, 1894.

10. Халевин К.В. Особенности адаптации иноязычных заимствований в русском лексическом просторечии // Вестн. Сев. (Арктического) фед. ун-та. Сер.: Гуманитарные социальные науки. 2010. № 4. С. 82–86.

* * *

1. Bazylev V.N. Politik v intelektual'nom kontekste jepohi // Politicheskij diskurs v Rossii – 6: materialy postojanno dejstvujushhego seminaru (g. Moskva, 7 nojab. 2002 g.) / pod red. V.N. Bazyleva, V.G. Krasil'nikovoj. M.: Maks Press, 2002.

2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 1998.

3. Vepreva I.T. «My ih v sortire zamochim», ili Shtrihi k ritoricheskomu portretu V.V. Putina // Politicheskij diskurs v Rossii – 4: materialy rabocheho soveshhanija (g. Moskva, 22 apr. 2000 g.) / pod red. V.N. Bazyleva, Ju.A. Sorokina. M.: Dialog-MGU, 2000. S. 43–45.

4. Vorotnikov Ju.L. I eshhe raz o vlastjah prederzhashhih // Russkaja rech'. 2004. № 2. S. 37–46.

5. Gal'ceva A.A. Neologizmy XXI veka // Koncept. 2014. № 13. S. 1–8.

6. Klement'eva E.V. Adaptacija inojazychnyh zaimstvovanija v russkom jazyke // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2014. № 5(27). S. 260–263.

7. Masljakov V.S. «Spanglish» kak javlenie jazykovej mezhkul'turnoj kommunikacii // Jazyk i kul'tura. 2011. № 1(13). S. 51–60.

8. Panova M.N. Jazykovaja lichnost' gosudarstvennogo sluzhashhego: diskursivnaja praktika, tipologija, mehanizmy formirovanija: avtoref. ... dis. d-ra filol. nauk. M., 2004.

9. Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo jazyka / pod red. A.N. Chudinova. SPb.: Izdanie knigoprodavca V.I. Gubinskogo, Tipografija S.N. Hudekova, 1894.

10. Halevin K.V. Osobennosti adaptacii inojazychnyh zaimstvovanij v russkom leksicheskom prostorechii // Vestn. Sev. (Arkticheskogo) fed. unta. Ser.: Gumanitarnye social'nye nauki. 2010. № 4. S. 82–86.

Some tendencies of functioning of lexical units in speech of public servants

The article deals with the language of public service, which is proved to be the model, the standard of the verbal behaviour for citizens of the Russian Federation and reflects the level of the language culture of the modern society, and therefore there is a need to study the trends of its dynamics. The result of the study revealed three interrelated fundamental linguistic processes that reflect the current state of the administrative and political discourse and determine the new verbal characteristics of public service representatives.

Key words: *language of public service, lexical features, administrative and political discourse, official and business linguistic style, neologisms.*

(Статья поступила в редакцию 29.01.2018)

А.В. КРЕМНЕВА
(Барнаул)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ФУНКЦИЯ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ПЕРСОНАЖА

Описываются функции интертекстуальных включений, особое внимание уделяется рассмотрению функции характеристики персонажа в художественном дискурсе. Рассматриваются понятия языковой личности, интертекстуального тезауруса. Приводятся примеры использования интертекстуальных включений в функции характеристики персонажа из современной прозы на русском и английском языках.

Ключевые слова: *функции интертекстуальных включений, языковая личность, интертекстуальный тезаурус, образ персонажа, художественный дискурс.*

Одним из важных аспектов в исследовании интертекстуальности является выявление и изучение функций интертекстуальных включений в текстах различных жанров. Число таких функций, выделяемых различными авто-

рами, значительно варьируется [1; 4; 11; 12]. При этом выделяемые функции зачастую схожи по сути, однако описываются исследователями с помощью разных терминов. Так, Г.Г. Слышкин выделяет 4 основные функции интертекстуальных включений («концептов прецедентных текстов» по терминологии автора): номинативную, персуазивную, людическую и парольную [11, с. 85–104], при этом анализ содержания выделяемых им функций показывает, что персуазивная функция – это функция убеждения, людическая – это игровая функция, а парольная – это контактоустанавливающая функция в терминологии Г.В. Денисовой [4].

Отметим, что мы согласны с высказанным некоторыми исследователями мнением о том, что интертекстуальные средства могут выражать как одну, так и несколько функций одновременно. Например, Г.В. Бобровская, описывая роль интертекстуальности в публицистическом дискурсе, говорит о кооперативном принципе фигур интертекста: «выступая в качестве доминантной в той или иной коммуникативно-прагматической ситуации, определенная функция обязательно дополняется другими функциями, более или менее четко выраженными» [1, с. 205]. При этом автор выделяет целый ряд дискурсивных ролей интертекстуальности, а именно: социокультурную, презентационно-коммуникативную, аргументативно-риторическую, эстетическую и семантическую, каждая из которых, в свою очередь, воплощается в тексте с помощью таких фигур интертекста, как цитирование, аппликация, парафраз и аллюзия, выполняющих более частные функции, связанные с решением конкретных прагматических задач.

С учетом того, что интертекстуальность является неотъемлемой принадлежностью текстов различных жанров, а в случае художественных текстов – текстов, принадлежащих к различным направлениям, нам представляется, что дальнейшее более детальное изучение вопроса о функциях интертекстуальных включений должно вестись в аспекте выявления взаимозависимости интертекста и литературного направления, к которому принадлежит автор, а также жанра текста. Наряду с такими общими функциями, как текстообразующая, смыслообразующая и экспрессивная, интертекстуальные включения текстов различных жанров и различных авторов выполняют свои, специфические для данного жан-